

С.А. Джанумов

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Народные песни и малые жанры фольклора в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»

Аннотация. В статье рассматриваются народные песни, пословицы и поговорки, мотивы и образы русского фольклора, которые творчески используются в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: для характеристики ситуации, воссоздания исторического колорита, народных обычаев, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его речи. Цель исследования – установление роли фольклорных жанров в структуре «Бориса Годунова», их художественных функций в пушкинской трагедии, их связи с характерами и сюжетными ситуациями пьесы. В статье используются современные принципы и методы изучения проблемы «литература и фольклор», сформулированные в многочисленных исследованиях отечественных литературоведов и фольклористов, в том числе и в работах автора настоящей статьи. Автором делается вывод о том, что такие качества стиля Пушкина, как точность, ясность и выразительность, во многом идут от русского народного поэтического творчества. Усвоение Пушкиным поэтики и стилистики фольклора способствовало выработке замечательной простоты и вместе с тем афористичности слога, которым написана трагедия «Борис Годунов».

Ключевые слова: народная песня, фольклорные эпитеты, присловья, пословицы, поговорки, художественная изобразительность, поэтика и стилистика фольклора, традиционные образы и мотивы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Джанумов С.А. Народные песни и малые жанры фольклора в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Литература в школе. 2020. № 1. С. 32–44.
DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-32-44

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-32-44

S.A. Dzhanumov

Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

Folk songs and small genres of folklore in A.S. Pushkin's tragedy "Boris Godunov"

Abstract. The article considers folk songs, proverbs and sayings, motifs and images of the Russian folklore, which are creatively used in A.S. Pushkin's tragedy "Boris Godunov": to characterize the situation, to recreate historical colouring, folk customs, to reveal the personality and psychology of a character, the features of his / her speech. The purpose of the study is to establish the role of folklore genres in the structure of "Boris Godunov", their artistic functions in Pushkin's tragedy, their connection with the characters and the plot situations of the play. The article uses modern principles and methods of studying the problem of "literature and folklore", formulated in numerous studies of domestic literary scholars and folklorists, including the works of the author of this article. The article concludes that such qualities of Pushkin's style as accuracy, clarity and expressiveness come in many respects from the Russian folk poetry. Pushkin's mastery of the poetics and stylistics of folklore contributed to the development of remarkable simplicity and at the same time of the aphoristic nature of the writing, which characterize the whole tragedy "Boris Godunov".

Keywords: folk song, folklore epithets, folksays, sayings, proverbs, artistic pictorialism, poetry and stylistics of folklore, traditional images and motifs

CITATION: Dzhanumov S.A. Folk songs and small genres of folklore in A.S. Pushkin's tragedy "Boris Godunov". *Literature at School*. 2020. No. 1. Pp. 32–44. (In Russ.) DOI: 10.31862/0130-3414-2020-1-32-44

Проблемы национальной самобытности русской литературы волновали Пушкина на протяжении всего его творческого пути. Уже в черновом наброске одной из ранних статей, «О французской словесности» (1822), размышляя о путях и закономерностях развития русской литературы, о пагубности слепого подражания французской словесности, Пушкин

призывал к широкому освоению богатого художественного арсенала устного народного творчества, национальных языковых изобразительных средств, к глубокому и осознанному проникновению в мир русского фольклора: «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки и проч.» [10, XII, с. 192].

Имея в виду все богатейшее наследие фольклора как подлинной художественной энциклопедии социальной и духовной жизни народа, его мировосприятия и психологии, Пушкин в статье «О народности в литературе» (1825–1826) отмечал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [10, XI, с. 40]. В этом процессе познания жизни и быта народных масс он отводил особое место семейно-обрядовой поэзии и традиционным лирическим песням. Среди почти шестидесяти песен, собственноручно записанных поэтом, подавляющее большинство – это необрядовые любовные и семейные песни, а также свадебные.

Другими жанрами устного народного творчества, на которые Пушкин обращал особое внимание, были пословицы и поговорки. В личной библиотеке Пушкина представлено несколько сборников русских пословиц и поговорок, изданных как в XVIII веке, так и при жизни поэта. В.И. Даль вспоминал, с каким энтузиазмом Пушкин изучал народные пословицы и поговорки, с каким неподдельным восторгом отзывался о них: «Сказка сказкой, – говорил он, – а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!» [Цит. по: 8, с. X].

Фольклорная стихия ощутимо присутствует почти во всех крупных произведениях Пушкина, и прежде

всего в тех из них, где предметом изображения служат определенные исторические события и лица. В этом плане представляет особый интерес трагедия Пушкина «Борис Годунов». В ней использованы разные жанры фольклора. Один из них – народная песня. Фрагменты народных песен мы находим в двух сценах трагедии: «Корчма на литовской границе» и «Царские палаты». В первой из этих двух сцен Варлаам поет, а точнее, как помечено в авторской ремарке, «затягивает песню: Как во городе было во Казани...» [10, VII, с. 29]. Исследователи по-разному определяли жанр этой песни. Одни, как, например, русский писатель и этнограф П.И. Мельников-Печерский, считали ее хороводной. В своей повести «Гриша. Из раскольниковьего быта» (1860) о молодом келейнике, которого во сне и наяву посещают греховные соблазны и которого искушают красивые девицы, П.И. Мельников-Печерский писал: «А с поля несутся веселые звуки ночного хоровода:

Как во городе было во Казани,
Сдунай-най-най – во Казани,
Молодой чернец постригался,
Сдунай-най-най – постригался».

[5, с. 326]

Ссылаясь на жанровое определение песни «Как во городе было во Казани...» как хороводной, данное П.И. Мельниковым-Печерским, фольклорист В.И. Чернышёв в статье «Песня Варлаама» приводил полный текст этой песни по сборнику М.Д. Чулкова «Собрание разных песен» (1787) и по ее перепечатке в сборнике Н.И. Новикова «Новое и полное собрание российских песен...» (1780), описывал характер ее исполнения: «Песня эта хороводная и, очевидно,

“игровая”, т.е. при пении ее на среднему кругу выходит молодец, который изображает действия чернеца. Главных действий три: 1) при виде старых баб, 2) при виде молодых, 3) при виде красных девок» [18, с. 129]. К слову «хороводная» В.И. Чернышёв сделал следующую построчную сноску: «Такое указание имеется, например, у Мельникова» [Там же].

Полный текст песни «Как во городе было во Казани...» можно найти не только в указанной статье В.И. Чернышёва, но и в седьмом томе нового Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в 20-ти томах [11, с. 663].

В стилистике народных причитаний выдержана первая реплика Ксении Годуновой в десятой сцене «Царские палаты»: «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать» [10, VII, с. 42]. Обращает на себя внимание обилие в этой короткой реплике фольклорных эпитетов: «прекрасный королевич», «темной могилке», «чужой сторонке». Показательно, что и ответная реплика мамки Ксении также ориентирована на фольклорную стилистику, но уже не плачей, а народных песен: «И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених, и прекрасный, и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича» [Там же] (в одном из вариантов к основной редакции трагедии: «забудешь Ивана королевича» [10, VII, с. 294]).

Как уже не раз отмечалось в примечаниях к этой реплике мамки Ксении, ее слова восходят к песне об убитом воине, приведенной (среди других

народных песен) Н.М. Карамзиным в главе IV десятого тома «Истории Государства Российского». Отрывок данной песни предваряется и сопровождается следующими словами историка: «...о воине убитом, коему постелию служит камыш, изголовьем куст ракитовый, одеялом темная ночь осенняя и коего тело орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ах! мать плачет, что река льется;
Сестра плачет, как ручьи текут;
Жена плачет, как роса падает:
Взойдет солнце, росу высушит.

Сии и многие иные стихотворения народные, ознаменованные истиною чувства и смелостию языка, если отчасти не слогом, то духом своим ближе к XVI, нежели к XVIII веку» (курсив Н.М. Карамзина. – С.Д.) [3, с. 400–401].

Эта песня из сборника М.Д. Чулкова «Собрание разных песен» (1770), имевшегося в личной библиотеке поэта, была хорошо известна и Пушкину. В песне «Ах ты, поле мое, поле чистое...» горе матери, родной сестры и жены убитого «добра молодца» идет как бы по нисходящей линии, образует последовательно убывающую по своей эмоциональной силе и значимости «лестницу чувств» (выражение А.С. Пушкина [10, XII, с. 209]. – С.Д.):

Увивается тут родная матушка,
Она плачет, как река льется,
А родна сестра плачет, как ручей течет,
Молода жена плачет, что роса падет;
Красно солнышко взойдет, росу высушит.
[17, с. 188]

Скорее всего Пушкин мог цитировать эту песню именно по сборнику М.Д. Чулкова, так как в реплике мамки Ксении фольклорное сравнение дано, как в сборнике Чулкова: «...девица плачет, что роса падет»

(у Н.М. Карамзина: «жена плачет, как роса падает» (курсив наш. – С.Д.)).

Помимо ярко выраженных фольклорных сравнений в реплике мамки Ксении мы встречаем и фольклорные эпитеты: «дитя наше ненаглядное» (по-видимому, полюбившийся Пушкину, так как он был еще раз употреблен (и, что характерно, также в реплике мамки, только не царевны, а княгини) в драме «Русалка»: «Да на кого тебя он (князь. – С.Д.) променяет? / Ты всем взяла: красою ненаглядной, / Обычаем и разумом...» [10, VII, с. 192–193]); «Иван-королевич» (в данном случае, это не только обычный для народных сказок фольклорный эпитет, например, «Василий-королевич», «Бова Королевич» (последний сказочный персонаж упоминается в «Арапе Петра Великого» [Там же, VIII, с. 25]). Приложение «Иван-королевич» имеет и более конкретный смысл. По брачному проекту Бориса Годунова Ксения должна была выйти замуж за датского герцога Иоанна (в реплике мамки имя русифицировано и переделано на «Ивана») – брата короля Христиана. Но накануне свадьбы с Ксенией герцог Иоанн, уже приехавший в Москву, внезапно заболел и скорострительно скончался, несмотря на обещанную Борисом Годуновым большую награду за его излечение.

В первой (так называемой «михайловской») редакции трагедии Ксения, держа на руках портрет своего умершего жениха, не причитает, а поет стилизованную под фольклор и, по-видимому, сочиненную самим Пушкиным песню:

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?

Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

[Там же, с. 267]

Но Пушкин неслучайно в окончательной редакции заменил эту песню на плач. Поэтическое чутье и тут не изменило Пушкину, хотя он не мог знать историческую песню «Плач Ксении Годуновой» («Сплачется мала птичка, / Белая перепелка...»). И далее в тексте песни еще раз повторяется: «Сплачется на Москве царевна» – одну из песен, записанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619–1620 годах на русском Севере и опубликованных только в 1852 году в «Известиях Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук». Текст перепечатан в сборнике «Русская историческая песня» [12, с. 122–123]. Правда, эта песня иная по содержанию, нежели реплика Ксении в «Борисе Годунове». Как пишет составитель и автор примечаний указанного сборника Л.И. Емельянов, «в песне отразилась судьба Ксении, дочери Бориса Годунова. Во время захвата Москвы Лжедмитрием I на глазах царевны были убиты ее мать и брат Федор. Красавица Ксения, по свидетельству исторических источников, была оставлена самозванцем в живых, «дабы ему лепоты ее насладиться» («Повесть книги сея от прежних лет»), а затем пострижена в монахини» [Там же, с. 470].

К этому можно добавить, что в этой песне отразилось сочувственное отношение народа к судьбе Ксении Годуновой. Схожая со свадебными плачами невесты, песня эта, по-видимому, пелась еще при ее жизни (Ксения умерла в 1622 году в возрасте 40 лет: по одним указаниям – монахиней

во владимирском Княгининском монастыре, по другим – в суздальском Покровском). Так что сбылись мрачные предчувствия Бориса Годунова в пушкинской пьесе: «Предчувствую небесный гром и горе» [10, VII, с. 26]; «Безвинная! зачем же ты страдаешь?» [Там же, с. 43] (ср. с репликой одного из представителей народа в последней, двадцать третьей сцене трагедии: «Отец был злодей, а детки невинны» [Там же, с. 97]), хотя царь Борис, конечно, не мог и предположить, какие страшные несчастья обрушатся на семью после его смерти.

В «Борисе Годунове» часто используются народные присловья, пословицы и поговорки. Особенно много их в восьмой сцене трагедии «Корчма на литовской границе» в репликах бродяг-чернецов Варлаама и Мисаила. В речи Варлаама то и дело встречаются рифмованные поговорки: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли, все нам равно, было бы вино... да вот и оно!..»; «Выпьем же чарочку за шинкарочку...»; пословицы: «Скоморох попу не товарищ» (ср. в сборнике В.И. Даля: «Черт попу не товарищ...» [8, с. 773]; «...у всякого свой обычай»; присловья: «Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?»; «...когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство...»; «Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка...»; «...а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим»; «...с горя и остальное пропьешь; беда, да и только» [10, VII, с. 28–31, 33].

В своем комментарии к присловию Варлаама («...пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим») известный филолог Г.О. Винокур, ссылаясь на свидетель-

ство приятеля Пушкина А.Н. Вульфа, отмечал: «Известно, что для прибауточной речи Варлаама Пушкин воспользовался присловьем, ставшим ему известным от шпионившего за ним настоятеля Святогорского монастыря:

Наш Фома
Пьет до дна,
Выпьет да поворотит,
Да в донушко поколотит».

[9, с. 499]

Мастерство и своеобразие Пушкина в подаче пословиц проявились и в том, что в сцене «Корчма на литовской границе» первую половину одной пословицы произносит Мисаил, а вторую – Варлаам: «М и с а и л. Вольному воля... Варлаам. А пьяному рай, отец Мисаил!» [10, VII, с. 29]. Здесь Пушкин приводит перефразированный вариант подлинной народной пословицы, более известной в других вариантах: «Вольному воля, а спасенному рай»; «Вольному воля, а ходячему путь» [16, с. 63]. В пушкинской повести «Барышня-крестьянка» ее употребляет в разговоре с Алексеем Берестовым Лиза-Акулина, но при этом трансформирует ее, меняет ее смысл: «Вольному воля, а дорога мирская» [10, VIII, с. 114] (ср. специально отмеченные Пушкиным пословицы из находящегося в его личной библиотеке сборника Д.М. Княжевича «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку» (1822): «Вольному воля, спасенному рай», «Вольному воля, ходячему путь» [7, с. 81]).

Пословицы и поговорки употребляются в восьмой сцене трагедии и в репликах других действующих лиц: хозяйки корчмы: «...ни лысого беса не поймают» [10, VII, с. 31]

(ср. в сборнике М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» (1902–1903): «Ни лысого беса нет тебе (иноск.) ничего (никого)» [Цит. по: 6, с. 695]); первого пристава: «Врешь: не всяко слово в строку пишется» [10, VII, с. 35] (ср. в сборнике И.М. Снегирева: «Не всяко слово в строку» [16, с. 182], а также примечание составителя сборника: «Употребл.: Не всяко лыко в строку, т.е. не всякие мелочи, пустяки вводить в дело... С т р о к а (разрядка И.М. Снегирева. – С.Д.) значит: дело и обстоятельство, заслуживающее внимания» [Там же, с. 350]); «Вот уж не думал, не гадал» [10, VII, с. 36] (ср. в сборнике И.М. Снегирева: «Не думал, не гадал, как в беду попал» [16, с. 185]); другого пристава: «Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего...» [10, VII, с. 32] (здесь использована и перефразирована только часть пословицы: ср. в сборнике В.И. Даля: «Гол, как сокол. Гол, как осиновый кол» [8, с. 89]).

В той же сцене встречается еще одна широко известная и часто употребляющаяся пословица. На этот раз ее произносит про себя Григорий Отрепьев после сообщения хозяйки корчмы о том, что по дороге в Литву всюду выставлены «заставы царские, да сторожевые приставы»: «Григорий (*про себя*). Вот тебе, бабушка, Юрьев день» [10, VII, с. 30]. Эту пословицу в перефразированной форме Пушкин использовал ранее в письме к П.А. Вяземскому от 7 июня 1824 года из Одессы. Сожалея о том, что все литераторы антибулгаринского лагеря разобщены, что они «рассеяны по лицу земли», что между ними нет «единодушия» и потому они не могут своевременно противодействовать «какой-нибудь глупости Булгарина», Пушкин воспомина-

ет сразу две пословицы, в том числе и ту, которая прозвучит из уст Григория Отрепьева в «Борисе Годунове»: «Нет, душа моя Асмодей (прозвище Вяземского в литературном кружке «Арзамас», взятое из баллады В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев». – С.Д.), отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня – а еще дале [нам] бабушке до Юрьева дня» [Там же, XIII, с. 97].

О «Юрьевом дне» (Юрий, или Егорий – день святого Георгия, 26 ноября по старому стилю), который, как известно, был днем свободного перехода крестьян от одного помещика к другому, но уже не в пословичной форме не раз упоминается и в следующей, девятой сцене трагедии «Москва. Дом Шуйского». В ней об отмене Борисом Годуновым «Юрьева дня» и о последствиях этого запрета рассуждают два знатных боярина – князь Василий Шуйский и Афанасий Михайлович Пушкин (один из предков поэта, лицо вымышленное), которые находятся в явной оппозиции к царю Борису:

Пушкин.

...Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! <...>
А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Шуйский.

Прав ты, Пушкин...

[Там же, VII, с. 41]

В новом Полном собрании сочинений А.С. Пушкина автор историко-литературного и построчного комментария к «Борису Годунову» Л.М. Лотман

отмечает: «В современной исторической науке вопрос о том, когда именно произошла отмена Юрьева дня, остается открытым. В пушкинское время считалось, что Юрьев день был отменен Годуновым в период царствования Федора Иоанновича. В 10-м томе Карамзин сообщает, что Годунов “в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян... и навеки укрепил их за господами. Что же было следствием? Негодование знатной части народа и многих владельцев богатых. Крестьяне жалели о древней свободе... а богатые владельцы, имея немного земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они смятали”» [11, с. 671].

В сборнике И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи», в <Примечаниях И.М. Снегирева к пословицам>, так говорится о пословице «Вот тебе, бабушка, Юрьев день!»: «Юридическая пословица о переходе крестьян от одного помещика к другому» [16, с. 318]. Более подробно о происхождении этой пословицы писал в своем сборнике образных слов и иносказаний «Русская мысль и речь» М.И. Михельсон: «Сперва царь Федор Иоаннович, а потом Василий Иоаннович Шуйский запретили этот переход: таким образом крестьяне были закреплены к земле и должны были оставаться у прежнего помещика. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* сказали тогда крестьяне (курсив М.И. Михельсона. – С.Д.)» [6, с. 124].

И в других сценах трагедии Пушкин широко пользуется народными пословицами и поговорками, превращая их в средство художественной изобразительности. Так, в десятой сцене «Царские палаты» Борис Годунов при виде своего сына царевича

Феодора, рисующего «чертеж земли московской», т.е. карту России, произносит: «Как хорошо! вот сладкий плод ученья!» [10, VII, с. 43]. В данной реплике, казалось бы, не имеющей никакого отношения к фольклору, в подтексте «спрятана» первая часть пословицы «Корень учения горек, да плод его сладок» [8, с. 422]. В этих словах царя выражена не только народная мудрость, но и понимание Борисом важности «ученья», образования, особенно для будущего правителя. Поэтому вполне закономерно, что Борис Годунов в конце той же реплики советует сыну: «Учись, мой сын, и легче, и яснее / Державный труд ты будешь постигать» [10, VII, с. 43]. И уже не кажется удивительной или преувеличенной емкая характеристика самого Бориса Годунова, данная ему Басмановым в двадцатой сцене «Москва. Царские палаты»: «Высокий дух державный» [Там же, с. 87]. Об уважении Бориса Годунова к образованию и науке писал и Н.М. Карамзин в «Истории Государства Российского»: «В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших венценосцев России, имел намерение завести школы и даже *университеты*, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и *наукам*» (курсив Н.М. Карамзина. – С.Д.) [3, с. 460].

Но так как на совести Бориса Годунова, по мнению Пушкина, преступление, «ужасное злодейство» (т.е. убийство законного наследника престола, сына Ивана Грозного – царевича Димитрия), то оно отразилось и на судьбе его семьи после смерти царя. Поэтому как приговор детям Бориса звучит «мнение народное», выраженное в пословичной форме в последней, двадцать третьей сцене трагедии:

Один из народа.

Брат да сестра! бедные дети, что пташ-
ки в клетке.

Другой.

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый.

Отец был злодей, а детки невинны.

Другой.

Яблоко от яблони недалеко падает.

[10, VII, с. 97]

В упомянутом выше сборнике И.М. Снегирева представлен другой вариант: «Яблочко от яблонки недалеко откатывается» [16, с. 293].

В «Борисе Годунове» много и других фольклорных сравнений. Фольклорные ассоциации вызывает реплика Пимена в пятой сцене трагедии «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»:

...На старости я сызнава живу,
Минувшее проходит предо мною –
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?

(курсив наш. – С.Д.) [10, VII, с. 17]

Показательно, что в черновой редакции этой сцены часть реплики Пимена звучала так: «Давно ль оно неслось событий полно, / Как океан – усеянный волнами», «Как стай волн кипящий океан» [Там же, с. 280]. Словосочетание «море-окиян» в инверсионной форме «окиян-море» встречается в запеве былины «[Про] Саловья Будимеровича» из сборника Кириши Данилова (орфография текста былины точно воспроизводит рукопись сборника. – С.Д.): «Высота ли, высота поднебесная, / Глубота, глубота акиян-море...» [2, с. 9], а также в заговорах: «На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь...» [14, с. 63]; в присказках сказок: «Было это дело на море, на океане, на острове Кидане...» [15, с. 249].

В третьей сцене трагедии «Девичье поле. Новодевичий монастырь» в репликах одного из персонажей, обозначенном как «Баба (с ребенком)», дважды упоминается мифологическое существо из детского фольклора – «Бука»:

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!... не плачь!

[10, VII, с. 12]

<...>

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

[Там же, с. 13]

В детском фольклоре это мифологическое существо – постоянный персонаж колыбельных песен:

Баю, баюшки, бай, бай,
Иди бука под сарай...

[1, с. 71]

Е.А. Костюхин в своих «Лекциях по русскому фольклору» так пишет об этом мифологическом существе, ссылаясь на сборник известного этнографа XIX века А.В. Терещенко «Быт русского народа» (1847–1848): «Бука появляется и на святочных игрищах. Вот как он выглядел (по описанию А.В. Терещенко): лицо его было обмазано сажей, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки из соломы, ноги толстые и кривые, тело обвивалось чем-нибудь косматым, с привешенными бубенчиками, во рту он держал раскаленные уголья, и из него выпускал дым» [4, с. 291–292].

Упоминание этого мифологического существа в одной из ключевых сцен пушкинской трагедии неслучайно. Сцена эта исполнена иронии и сарказма. Несмотря на авторскую ремарку «Народ (на коленях. Вой

и плач)», Пушкин воочию показывает, что народ, казалось бы, умоляет Бориса стать царем, на самом деле равнодушен к тому, что происходит, и все делает только по указке свыше. Об этом убедительно свидетельствует обмен репликами двух представительней народной среды:

Один (*тихо*).

О чем там плачут?

Другой.

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

[Там же, VII, с. 13]

И потому «бука», которым страшат баба ребенка, подан здесь в ироническом контексте, как и в одном из ранних стихотворений Пушкина «Сказки. Noël» (1818), где с этим мифологическим существом сравнивается русский царь Александр I:

Мария в хлопотах Спасителя страшат:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русской царь!».

[10, II, с. 69]

Негативное отношение к Борису не только со стороны простого народа, но даже его приближенных слуг – стольников – проявляется в седьмой сцене трагедии «Царские палаты». Один из стольников в отсутствие царя укоряет его в том, что он постоянно общается «с каким-то колдуном», на что другой отвечает:

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи. –
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадают он?

[Там же, VII, с. 25]

Недоумение и даже укоризна стольников вполне понятны, так как на Руси со времени принятия христианства всегда порицались и даже

запрещались как языческие проявления гадания, ворожба, общение с колдунами и колдуньями. А то, что Борис верил в предсказания колдунов, кудесников, косвенно подтверждает один из фрагментов его монолога в той же сцене: «Напрасно мне кудесники сулят / Дни долгие, дни власти безмятежной...» [Там же, с. 26].

Наконец, следует отметить, что в трагедии «Борис Годунов» мы находим много постоянных эпитетов, которые способствуют усилению фольклорных ассоциаций и образов, фольклорному колориту ряда сцен: «в глухой тюрьме»; «шумные пиры»; «златый венец»; «грозный царь»; «преступник окаянный»; «святые чудеса»; «сосуд диавольский»; «красная невеста»; «язвой моровой»; «мой кормилец»; «добрым людям»; «столбовая дорога»; «...борода седая, брюхо толстое!»; «гости дорогие»; «поле ратном»; «моей хлеб-солью»; «добрый сон»; «смелый плут»; «грозе великой»; «голодна смерть»; «бархатное пиво»; «прекрасный королевич»; «темной могилке»; «на чужой сторонке»; «дитя наше ненаглядное»; «печальная вдовица»; «дремучие леса»; «злая казнь»; «грозный супостат»; «хозяйкой молодой»; «коварного злодея»; «дружны грозны»; «мирный труд»; «земли родной»; «безвинные страдальцы»; «храбрых атаманов»; «ясны очи»; «вольный Дон»; «усердного труда»; «старинных... проказ»; «вечная неволя»; «в глухой степи»; «в землянке бедной»; «поляков безмозглых»; «позорной петли»; «витязь благородный»; «войны кровавой»; «в битве честной»; «плахе площадной»; «Святая Русь»; «славный меч»; «добрый меч»; «надёжу-государя»; «в красную Москву»; «заветную дорогу»; «зверя заморского»; «в железной клетке»;

«людей... ратных»; «бесовский сын»; «Божий свет»; «безбожного злодея»; «глупое дитя»; «борзый конь»; «темный гроб»; «честной народ» [10, VII, с. 7, 19, 20, 23, 24, 27, 30, 31, 36–43, 48, 49, 51–55, 58, 60–62, 64, 66–69, 71, 85, 87, 91, 96], а также фольклорную тавтологию, например, в репликах Варлаама: «Ходишь, ходишь; молишь, молишь...»; «...молод еще надо мною шутки шутить» [Там же, с. 33, 36].

Умение Пушкина уловить и передать дух народной поэзии проявилось и в том, что некоторые выражения из «Бориса Годунова» стали пословицами и поговорками, например: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» [Там же, с. 49] (ср. у Шекспира реплику Генриха IV (акт III, сцена I) в исторической хронике «King Henry the Fourth. Part II» (англ.) («Король Генрих IV. Часть II»): “Uneasy lies the head that wears a crown”, которую можно перевести следующим образом: «Беспокойно спит человек, который носит корону»); «Я слышу речь не мальчика, но мужа» [Там же, с. 65].

Суммируя проанализированный в статье материал, можно сделать вывод о том, что народные песни, присловья, пословицы и поговорки, мотивы и образы русского фольклора широко и творчески используются в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», тонко, мастерски привлекаются для характеристики ситуации, воссоздания исторического колорита, народных обычаев, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его

речи. Такие качества стиля Пушкина, как точность, ясность и выразительность, во многом идут от русского народного поэтического творчества. Усвоение Пушкиным поэтики и стилистики фольклора способствовало выработке замечательной простоты и вместе с тем афористичности слога, которым написана вся трагедия «Борис Годунов».

В своей трагедии Пушкин по-своему трансформирует, а иногда и переосмысливает традиционные фольклорные образы и мотивы, обновляет их в соответствии с идейным замыслом произведения. Творческое освоение и использование разных жанров русского фольклора свидетельствует о безупречном знании автором «Бориса Годунова» традиций устного народного творчества, а также фольклорных сборников своего и предшествующего времени. Мотивы и образы народных песен, причитаний, пословицы и поговорки естественно, ненавязчиво вплетаются в речь персонажей, в контекст отдельных сцен трагедии, как правило, приводятся в точном соответствии с нормами фольклорной поэтики, своеобразием народного склада мышления, но иногда видоизменяются, варьируются или создаются Пушкиным самостоятельно. Именно органичная, нерасторжимая связь пушкинской трагедии с русской национальной стихией, литературными и народнопоэтическими традициями обеспечила его произведению непреходящую ценность, историческую и эстетическую значимость.

Библиографический список

1. Детский фольклор / сост. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М., 2002.
2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / второе доп. издание подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977.

3. Карамзин Н.М. История Государства Российского: В XII томах. В 3 книгах. Кн. 3. М., 2004.
4. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004.
5. Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. II. СПб.; М., 1897.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
7. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: библиографическое описание. СПб., 1910. (Репринтное издание: М.: Книга, 1988.)
8. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля / вступ. статья В. Чичерова. М., 1957.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. Драматические произведения. Л., 1935.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [Б.м.], 1937–1949 (в тексте статьи в квадратных скобках римскими цифрами указан том этого издания).
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. Драматические произведения. СПб., 2009.
12. Русская историческая песня: сборник / вступ. статья, сост., подготовка текста и прим. Л.И. Емельянова. Л., 1987.
13. Русские народные песни / вступ. статья, составление и примечания А.М. Новиковой. М., 1957.
14. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: сборник / вступ. статья, подготовка текста В.П. Аникина. М., 1990.
15. Сказки и песни Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.
16. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / изд. подготовил Е.А. Костюхин. М., 1999.
17. Сочинения М.Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Части I, II и III с Прибавлением. СПб., 1913. (Репринт издания 1770 года).
18. Чернышев В.И. Песня Варлаама // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. V. СПб., 1907. С. 127–129.

References

1. Detskiy fol'klor [Children's folklore]. M.Yu. Novitskaya, I.N. Raykova (eds.). Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Drevniye rossiyskiye stikhotvoreniya, sobrannyye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov]. A.P. Yevgenyeva, B.N. Putilov (eds.). Moscow, 1977. (In Russ.)
3. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo: V XII tomakh: V 3 knigakh [History of the Russian State: In XII volumes. In 3 books]. Book 3. Moscow, 2004. (In Russ.)
4. Kostyukhin Ye.A. Lektsii po russkomu fol'kloru [Lectures on Russian folklore]. Moscow, 2004. (In Russ.)
5. Melnikov-Pecherskiy P.I. Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. [Works in 14 volumes]. Т. II. St. Petersburg, Moscow, 1897. (In Russ.)
6. Mikhelson M.I. Russkaya mysl' i rech': Svoye i chuzhoye: opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy: v 2 t. [Russian thought and speech: Own and foreign: The experience of Russian phraseology: A collection of figurative words and allegories: In 2 vol.]. Т. 1. Moscow, 1994. (In Russ.)
7. Modzalevskiy B.L. Biblioteka A.S. Pushkina: bibliograficheskoye opisaniye [Library of A.S. Pushkin: Bibliographic description]. St. Petersburg, 1910. Reprint edition: Moscow, 1988. (In Russ.)
8. Poslovitsy russkogo naroda: sbornik V. Dalya [Proverbs of the Russian people: Collection by V. Dahl]. Moscow, 1957. (In Russ.)
9. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. Т. 7. Dramaticheskiye proizvedeniya [Works. Vol. 7. Dramatic works]. Leningrad, 1935. (In Russ.)
10. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t. [Works in 16 volumes]. 1937–1949. (the volume of this edition indicates in the text of the article in square brackets in Roman numerals). (In Russ.)

11. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. T. 7. Dramaticheskiye proizvedeniya [Works in 20 volumes. Vol. 7. Dramatic works]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.)
12. Russkaya istoricheskaya pesnya: sbornik [Russian historical song: Collection]. L.I. Yemelyanov (ed.). Leningrad, 1987. (In Russ.)
13. Russkiye narodnyye pesni [Russian folk songs]. A.M. Novikova (ed.). Moscow, 1957. (In Russ.)
14. Skazaniya russkogo naroda, sobrannyye I.P. Sakharovym [Tales of the Russian people collected by I.P. Sakharov]. A collection. V.P. Anikin (ed.). Moscow, 1990. (In Russ.)
15. Skazki i pesni Belozerskogo kraya / zapisali Boris i Yuriy Sokolovy. [Tales and songs of Belozersky region / recorded by Boris and Yuri Sokolov]. Moscow, 1915. (In Russ.)
16. Snegirev I.M. Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi [Russian folk proverbs and parables]. Ye.A. Kostyukhin (ed.). Moscow, 1999. (In Russ.)
17. Sochineniya M.D. Chulkova. T. I. Sobraniye raznykh pesen. Chasti I, II i III s Pribavleniyem [Works of M.D. Chulkov. Vol. I. Collection of different songs. Parts I, II and III with the addition]. St. Petersburg, 1913. (Reprinted in 1770). (In Russ.)
18. Chernyshev V.I. Barlaam's song. *Pushkin i yego sovremenniki: Materialy i issledovaniya*. Vol. V. St. Petersburg, 1907. Pp. 127–129. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2019, принята к публикации 25.12.2019
The article was received on 15.12.2019, accepted for publication 25.12.2019

Сведения об авторе / About the author

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Seyrans A. Dzhanumov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City University

E-mail: DjanumovSA@mail.ru